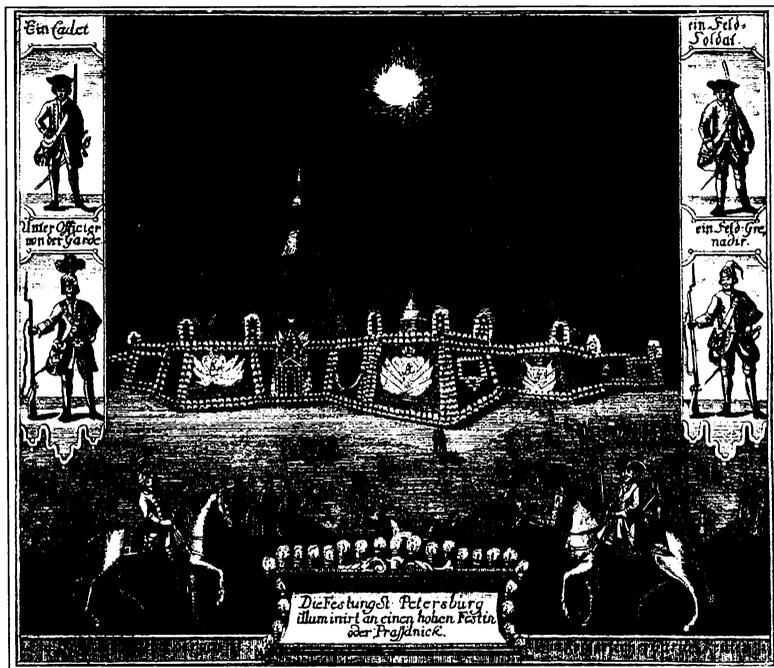

Чудо иллюминации

Вечерами, как только сгущались сумерки, парки и дворцы нередко расцветали огнями иллюминации. Это дивное огненное пиршество было особенно популярным в XVIII в. Фейерверки и иллюминации были тонким, сложным и очень дорогостоящим искусством. С помощью тысяч

Иллюминация Петропавловской крепости. Гравюра XVIII в.

⁵⁶ Там же. Оп. 1. Д. 276. Л. 1285 об., 1323.

⁵⁷ Там же. Оп. 2. Д. 26в. Л. 774. См. также: Д. 27 г. Л. 1235 и др.

плошек с салом (подобие свечей) и разноцветных фонариков устроители старались подчеркнуть обычно невидимые в темноте контуры зданий и сооружений, которые при такой подсветке превращались в фантастические, неземные чертоги. Подсветка устраивалась и в окнах дворцов. В 1725 г. иллюминация была «в полатах в окнах огнем в фонарях и в чашках глиняных». ⁵⁸ Маленькими стеклянными и бумажными фонариками были увешаны все деревья и кусты, подчеркивая всю прелесть и изящество стриженных деревьев, боскетов, отмечая повороты и пересечения аллей и дорожек. Искусно подсвечивались каскады и фонтаны — игра сверкающих разноцветных струй была особенно выразительна в темноте. Отовсюду звучала тихая музыка — без «ночных серенад» не обходилось ни одного праздника.

Отступление

Звуки барокко

Петергоф XVIII в. невозможно представить себе безмолвным, как и любой парк эпохи барокко. Звуки здесь имели особое эстетическое значение. Садовые мастера этим специально занимались, ведь если парк — рай на земле, то и звуки в нем должны быть божественные. Это были трели и коленца разных певчих птиц в клетках, в вольерах и на свободе (ворон и галок за скверные крики безжалостно изгоняли). На разные голоса шумели воды Петергофа. Создатели парка позаботились о том, чтобы мы слышали «игру воды», различили десятки водных шумов, целую водяную симфонию: грохот водопада, плеск потоков, низвергавшихся по широким ступеням каскадов, яростное «драконье» шипение, клекот горного источника, журчание бегущих из-под тающего сугроба весенних ручейков. Здесь можно было расслышать и целую «коллекцию» мелодий дождя: неумолчный шум тропического ливня, веселый танец солнечного грибного дождя, вялый шелест унылого осеннего дождика. А шумы от падения воды? Это плеск струй, падающих в чашу фонтана, на каменные ступени, барабанищих по железному желобу, это гулкое эхо капель, медленно срывающихся со сводов грота на каменный пол. Наконец, звуки моря — утренний умиротворенный говор прибрежной волны, дневное «бормотание старого Нептуна», мерные удары тяжелых валов в непогоду, когда старик «гневался» на людей. И все это происходило на фоне непрерывных летних мистерий на безбрежном северном небе, с идущими по нему чередой ясными закатами и восходами, могучими тучами — «тронами Зевеса», позлащенными лучами «тонущего» в море огромного светила.

В гармонии звуков сада XVIII в. музыка была особенно важна. Без нее вообще не может быть настоящего сада барокко. Не забудем о музыкальном «версальском стиле» Жана Батиста Люлли — композитора садовой

⁵⁸ Там же. Оп. 4. Д. 4. Л. 19.

музыки, да и всем знакомая «Маленькая ночная серенада» Моцарта предназначена для исполнения в саду. Еще при Петре Великом в Петергофе зазвучал нежный звон стеклянных колокольчиков «клокшипя». Со временем музыка в Петергофе становилась все разнообразнее. Звучали военные марши полковых оркестров, ликующий грохот литавр и дробь барабанов — утренняя и дневная музыка окрестных лагерей гвардейских полков, проводивших парады и экзерциции. Вечерами играли Зорю, полки становились на молитву, раздавались величественные звуки гимна Дмитрия Бортнянского «Коль славен». В придворной церкви Петра и Павла шли богослужения, пели «Тебе, Бога, хвалим», и не было тогда певчих лучше, чем в придворной капелле. Из открытых и ярко освещенных окон Большого дворца, из его залов, из «галереи, что к гербу», из «галереи, что подле церкви», сквозь шум разговоров, звон посуды прорывались звуки «обеденной музыки»: оркестры и итальянские певицы (в том числе знаменитые кастраты) услаждали обедающих «вокальной и инструментальной музыкой». Эти тихие, неспешные мелодии, к которым обычно никто не прислушивался, часто тонули в грохоте пушечной пальбы в честь каждого тоста. Но когда разносились звуки полонеза на слова Г. Державина «Гром победы, раздавайся» и начинались танцы, музыка уже царила во дворце, властно увлекала пары танцующих по глади паркета и была слышна далеко в Нижнем парке. Когда царственная особа была в Монплезире, обедала или играла в карты, то напротив окон и открытых дверей стояли музыканты и «при вечернем столе играла музыка на валторнах» или других инструментах: «скрипичах», кларнетах, гуслях, иногда на рожках. Это была обычно нежная, негромкая музыка квартетов и квинтетов. Благозвучные аккорды уносил ветер с залива, они тонули во тьме парка, сливались с дальним шумом фонтанов, криками ночных птиц, составляя ту самую гармонию неспешной жизни, которой наслаждались люди XVIII столетия.